Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102

ДЖАБРАИЛОВ Юсуп Джабраилович

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского
федерального исследовательского центра Российской академии наук

г. Махачкала, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>

y.djabrailov@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Статья посвящена определению уровня религиозности дагестанской молодежи и ее влияния на процесс формирования гражданской идентичности. Автор на основе результатов социологического исследования делает вывод о прямой взаимосвязи между уровнем религиозности молодежи и их гражданской идентификацией. Переживание тесной связи с единоверцами развивает культуру доверия в полиэтнической и поликонфессиональной среде. Тем не менее, автор обращает внимание на различие показателей гражданской идентификации на исламско-православном приграничье, связанную с преобладанием в массовом сознании мусульман и представителей нерусской национальности ощущения нарушения гражданских прав по конфессиональному принципу. Делается вывод о том, что с утверждением на всей территории Российской Федерации практики удовлетворения религиозных запросов общин независимо от конфессиональной принадлежности ожидается повышение показателей гражданской идентификации молодежи. В статье отмечается, что на региональном уровне доминируют тенденции на благоприятное межконфессиональное общение. В решающей степени они могут зависеть от общественно-политических установок на федеральном уровне.

Ключевые слова: религиозность, ислам, христианство, конфессия, этнос, религиозная идентичность, гражданская идентичность

Для цитирования: Джабраилов Ю.Д. Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние. Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том. 12. № 4-5. с. 90-102.

doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102.

Original article

Yusup D. Dzhabrailov

Regional Center for Ethnopolitical Researches of Federal State Institution for Science
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Science (DSC RAS)

Makhachkala, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>

y.djabrailov@yandex.ru

RELIGIOUSNESS AND CIVIC IDENTITY OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: CURRENT STATE

Abstract. The article is devoted to determining the level of religiosity of Dagestan youth and its influence on the process of forming civil identity. Based on the results of a sociological study, the author states that there is a direct relationship between the level of youth religiosity and their civic identification. He states that the high level of religious identity of young people does not weaken the position of civic identification. At the same time, pronounced religious ties contribute to the formation of a culture of trust in persons of other confessional and ethnic groups at the level of interpersonal relations. The experience of close connection with co-religionists develops a culture of trust in a multi-ethnic and multi-confessional environment. Nevertheless, the author draws attention to the difference in indicators of civil identification in the Islamic-Christian border area, which is associated with the predominance in the mass consciousness of Muslims and representatives of non-Russian nationality of the feeling of violation of civil rights on a confessional basis. It is concluded that with the adoption of the practice of meeting religious requests of communities throughout the Russian Federation, regardless of religious affiliation, it is expected to increase the indicators of civil identification of young people. The article notes that the regional level is dominated by trends for favorable interfaith communication. To a decisive extent, they may depend on the socio-political attitudes at the federal level.

Keywords: religion, islam, christianity, denomination, ethnic, religious identity, civil identity

For citation: Dzhabrailov Yu.D. Religiousness and civic identity of youth in the Republic of Dagestan: current state. Historical and Social-Educational Idea 2020. Vol. 12. No.4-5. PP. 90-102.

doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-90-102.(In Russ.)

В 2020 г. в Республике Дагестан проведен социологический опрос в целях определения религиозного сознания молодежи и его влияния на гражданскую идентификацию, культуру доверия в полиэтничной и поликонфессиональной среде.

Всего было опрошено 560 студентов ведущих вузов республики. Среди респондентов были представители всех дагестанских народов: аварцы – 201 чел. (36%); даргинцы – 94 чел. (17%); лезгины – 78 чел. (14%); кумыки – 44 чел. (8%); лакцы – 37 чел. (7%); табасаранцы – 20 чел. (4%); русские – 18 чел. (3%); азербайджанцы – 9 чел. (2%); рутульцы – 7 чел. (1%); цахуры – 7 чел. (1%); агульцы – 6 чел. (1%) и др. – 7 чел. (1%), 32 чел. (5%) не указали своей национальности. Рас-

пределение респондентов по месту проживания: город – 378 чел. (67 %), село – 182 (33 %); по полу: 277 (49%) мужчин и 283 (51%) девушек.

Социологическое исследование проводилось методом сплошного анкетного опроса.

Результаты социологического опроса

Настоящее исследование подтвердило характеристику религиозной ситуации Дагестана как региона с высоким уровнем религиозности населения.

Рисунок 1. «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» (в % от общего количества опрошенных)

Figure 1. "Do you consider yourself a religious person?" (in % of the total number of respondents)

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Так, результаты ответов на вопрос **«Считаете ли Вы себя верующим человеком?»** (Рис. 1) показали, что верующими являются 85% респондентов, не относят себя к категории верующих 6%, верят в высшие силы, но не относят себя к определенному вероисповеданию 5% и затруднились ответить 4%.

Республика Дагестан в этноконфессиональном отношении – регион с явным доминированием мусульманского населения (около 96%).

Рисунок 2. «Если Вы религиозный человек, к какому вероисповеданию или религиозному течению Вы себя относите?» (в % от общего количества опрошенных)

Figure 2. "If you are a religious person, what religion or religious movement do You belong to?" (in % of the total number of respondents)

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Из распределений ответов на вопрос **«Если Вы религиозный человек, к какому вероисповеданию или религиозному течению Вы себя относите?»**

(Рис. 2) видно, что среди опрошенных респондентов мусульманами являются 88%, 3% христиан, 1% агностиков и атеистов.

Рисунок 3. «Если Вы религиозный человек, соблюдаете ли Вы все обязательные предписания вашей религии?» (в % от общего количества опрошенных)

Figure 3. "If you are a religious person, do You follow all the mandatory requirements of your religion?" (in % of the total number of respondents)

Источник: составлено автором научной статьи

Source: compiled by the author of the scientific article.

Для дифференциации (разграничения) верующих по степени их религиозности в ходе социологического опроса был задан вопрос **«Если Вы религиозный человек, соблюдаете ли Вы все обязательные предписания вашей религии?»** (Рис. 3). Получены следующие результаты: об исполнении всех религиозных предписаний заявили 41 % респондентов (назовем их условно *глубоко верующие*), о частичном исполнении религиозных предписаний (*верующие*) – 38 %, не выполняют религиозных предписаний (*колеблющиеся между верой и неверием*) – 14 % и затруднились ответить – 7 %.

Распределение ответов на вопрос **«Что лично для Вас религия?»** (можно было выбрать несколько вариантов ответа) – приближение и общение с Всевышним назвали 72% респондентов; религию как основу морали и нравственности воспринимают 45% опрошенных, вариант соблюдение религиозных обрядов и практик выбрали 38% респондентов; 15% респондентов в религии видят основу национальной традиции и культуры своего народа; для 5% религия – это предрассудок, пережиток прошлого и затруднились ответить на вопрос 9% респондентов.

Здесь следует акцентировать внимание на результаты значимости и понимания религии для двух категорий респондентов – «глубоко верующих» и «колеблющихся между верой и неверием». Так, если 85% «глубоко верующих» рассматривают религию как возможность приближения и общения с Всевышним, то только 33% «колеблющихся» считают также. Результаты понимания религии как соблюдения религиозных обрядов и практик у данных категорий не особо различаются 9% и 6%. Тогда как значительно различаются показатели восприятия религии как национальной традиции и культуры своего народа и основы морали и нравственности, так у «глубоко верующих» они соответственно составляют 0.8% и 1.3%, а у «колеблющихся» по 10%. А также каждый четвертый опрошенный среди «колеблющихся» затруднился ответить на этот вопрос, а среди «глубоко верующих» всего лишь 3.5% респондентов.

Располагающаяся, по степени религиозности, между ними категория «верующие» имеют усредненные показатели. Так, 79% респондентов, относящихся к данной категории, рассматривают религию как возможность приближения и общения с Всевышним, 6% респондентов как соблюдение религиозных обрядов и практик, национальную традицию и культуру своего народа – 4,5% респондентов,

основу морали и нравственности – 5% респондентов и затруднились ответить на вопрос – 5 % опрошенных данной категории.

Таким образом, выявлена такая закономерность, что чем выше показатели религиозности у респондентов, тем они воспринимают религию как отражение личностных отношений верующего с Всевышним и, наоборот, чем менее они религиозны, тем большая их доля рассматривает ее как основу национальной традиции и культуры.

Следовательно, продуктивность миротворческого потенциала религии в урегулировании социально-экономических, межэтнических и иных конфликтов в регионе будет во многом связана с увеличением доли верующих, воспринимающих религию как полноценную, целостную концепцию жизнедеятельности.

В экспертной среде причиной того что ислам не стал фактором стабилизации общественно-политических процессов в Дагестане в 1990-х и в начале 2000-х годов считали превалированием национального фактора над религиозным [2,3].

На наш взгляд, проблема заключается в том, что религию большинство верующих воспринимают как один из маркеров этнической идентичности. Согласно социологическим исследованиям того периода доля верующих соблюдающих основные религиозные обязанности в Дагестане не превышало 22% [4, с. 23-24]. Благодаря чему национально-этническим группам удавалось, прежде всего, минимизировать интернациональный характер ислама и использовать его в своих целях по этногрупповой мобилизации.

Таблица 1 «Если говорить о Вас, в какой степени Вы ощущаете близость с...» (в % от общего количества опрошенных)

Table 1 "If we talk about you, to what extent do You feel close to ..." (in % of the total number of respondents)

	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близость	Затрудняюсь ответить
С гражданами России	38,4	40,9	12,5	8,2
С людьми моей национальности	60 %	28,6	5,5	5,9
С жителями моего города, села	54,3	30,6	8	7,1
С людьми моей религии	62,5	25	3,6	8,9
С жителями моей республики	48,6	33,9	8	9,5
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	23,9	38,9	20,7	16,5
С людьми того же материального достатка, что и я	24,4	25,9	29,5	20,2
С людьми одной социальной профессии, занятий	44,3	35	10,7	10
С людьми тех же взглядов на жизнь	55,6	27,5	8	8,9
С людьми одного социального возраста	31,3	36,4	18	14,3

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Как видно из табл. 1, в Республике Дагестан среди социальных идентичностей явно доминируют этническая и религиозная идентичности. А также обращает на себя внимание тот факт, что гражданская идентичность фиксируется в сознании дагестанцев в меньшей степени, чем и другие виды коллективных идентичностей такие как: жители моего города, села; жители моей республики; люди одной со мной профессии, занятий; люди тех же взглядов на жизнь.

В зависимости от отношения к религии установлено, что показатели гражданской идентификации у неверующих немного выше, чем у верующих. Так, о значительной близости с гражданами России заявили 48% не верующих и 39 % верующих.

Но значительно различаются показатели гражданской идентификации христиан и мусульман. Так 79% респондентов христиан чувствуют значительную близость с гражданами России, а среди респондентов исповедующих ислам, таких оказалось 39%.

Для того чтобы понять с чем связан такой значительный разброс показателей необходимо, прежде всего, выяснить существует ли однозначное восприятие нашими гражданами понятия «мы – граждане России», «мы – общероссийская нация».

В статье Дробижевой Л.М. «Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма» в глубинном интервью один из экспертов обратил внимание на то, что в представлениях русских и людей других российских национальностей в этом вопросе могут быть определенные различия. *«Скажем, если у этнических русских, то они скажут, что принадлежность к российской нации – это, прежде всего, принадлежность к русскому государству, к русской нации. Они ассоциируют все государство прежде всего с русскими. Остальные народности, которые проживают здесь, скорее всего, будут рассматривать, что это многонациональный народ России, в огромных границах, где живут много национальностей. У меньшинств это будет гражданская принадлежность»* [5, с. 19].

Надо заметить, все респонденты, исповедующие христианство по национальности русские. Следовательно, высокая гражданская идентификация среди адептов христианства, на наш взгляд, связана в большей степени не с религиозной составляющей, а скорее обусловлена этноконфессиональным фактором.

Свидетельством того, что исламская социализация в республике не ослабляет позиции гражданской идентичности, подтверждает дальнейшее измерение гражданской идентификации мусульман. Так, о значительной социальной близости с гражданами России отметили 43% респондентов из числа «глубоко верующих» мусульман, 34% респондентов – «верующих» и 21.4% респондентов – «колеблющихся». Как мы видим, чем выше религиозность респондентов-мусульман, тем выше их показатели гражданской идентификации. Вариант о некоторой степени близости с гражданами России выбрали 40% респондентов-мусульман и не ощущают близости 13% опрошенных из их числа.

Значительную социальную близость с единоверцами имеют 65,5% мусульман и 64,2% христиан. Из числа мусульман с развитым чувством общности с единоверцами высокие показатели гражданской идентичности имеют 46,3% опрошенных. Среди мусульман, не ощущающих близость с единоверцами гражданская идентификация существенно ниже (30%). Социологические исследования, проводимые в других регионах России, свидетельствуют также, что среди респондентов, не ощущающих связи с единоверцами, ключевые показатели доверия, необходи-

мые для поддержания межэтнического согласия, значительно ниже, чем среди тех, кто такую связь ощущает [6, с. 54].

Далее мы попытались исследовать восприятие вопроса конфессионального равноправия в сознании дагестанской студенческой молодежи, дискриминация и перекося в которой, по мнению отдельных авторов, является причиной роста локальных идентичностей в ущерб общероссийским [7, с. 112].

Рисунок 4. «Как Вы считаете, нарушается ли в России принцип равноправия традиционных конфессий?» (в % от общего количества опрошенных)

Figure 4. "do You think that the principle of equality of traditional faiths is violated in Russia?" (in % of the total number of respondents)

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

По распределению ответов на вопрос **«Как Вы считаете, нарушается ли в России принцип равноправия традиционных конфессий?»** (Рис. 4) видно, что по всей совокупности опрошенных позицию о том, что в России нарушается принцип равноправия конфессий, поддерживают 31% респондентов, позиции о поддержании в России равноправия традиционных конфессий придерживается 32% респондентов и довольно большая часть опрошенных (37%) затруднилась однозначно ответить на данный вопрос.

По конфессиональному признаку мусульмане два раза больше, чем христиане, поддерживают суждение о нарушении конфессионального паритета в России. Это объясняется практикой «федералистского» подхода, когда развитие той или иной религии определяется национальным составом населения субъекта федерации. Православие как религия «государствообразующего» народа при таком подходе имеет более широкие возможности на всей территории страны, а ислам в нашей стране становится фактором региональным, а не федеральным.

Так, официальная мусульманская организация России Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) вынуждена публиковать петиции, в которых россиянам предлагается высказаться за строительство мечетей в городах, население которых превышает миллион человек. «Мы призываем власти всех уровней разрешить строить мечети в городах-миллионниках. Не разрушать уже построенные или строящиеся мечети и молельные дома, не отзывать ранее выделенные земельные участки. Мы призываем государство не препятствовать, а всемерно содействовать в возведении мечетей и их функционировании» [8].

Духовное управление мусульман Нижегородской области неоднократно обвиняло региональные власти в неравномерном распределении бюджетных средств в пользу православной церкви, а нужды мусульманской общины практически всегда оставались без должного финансирования [9, с. 148].

Существующий порядок вещей ведет к образованию следующей логической цепочки: «местечковость – консерватизм – архаизация и маргинализация религиозного сознания» [10, с. 2]. Следовательно, «федерализация» ислама должна пониматься именно как придание ему статуса федерального явления, каким он по факту и является в силу даже исторического базиса.

Тем не менее, официальное духовенство Республики Дагестан в соработничестве с органами власти проводит огромную работу по укреплению гражданского единства общества и межконфессионального согласия. В отличие от них представители радикальных течений преодоление современных социальных проблем и построение «государства справедливости» считают возможным только с помощью силовых методов.

Вполне возможно, что на формирование гражданской идентичности мусульман влияет симпатия к тому или иному направлению ислама. Одним из ярких маркеров, различающих канонические позиции представителей традиционного духовенства в регионе и сторонников «чистого ислама» (ваххабизм, салафизм), является вопрос проведения маулида (празднование дня рождения пророка Мухаммада). Позиция сторонников «чистого ислама» заключается в том, что ислам должен быть таким, как во времена Пророка, и все новое запрещено; в противовес им сторонники традиционного ислама в регионе считают, что навешивание ярлыка бидъа (новшество) в том числе и на прогрессивные религиозные идеи губительно для ислама, так как вычеркивает из жизни 14-вековой опыт развития мусульманской мысли. Они готовы признать запретными только те новшества в исламе, которые не имеют основы ни в одном из авторитетных для мусульман источников права (Коран, Сунна, Иджма и Кияс).

Таким образом, выделения двух групп верующих основывалось на отрицании или утверждении обоснованности проведения маулида.

Рисунок 5. «Если Вы исповедуете мусульманскую религию, как Вы считаете, канонически обоснованно ли проведение маулида (мавлида)?»

Figure 5. "If you practice the Muslim religion, do You think it is canonically justified to hold Mawlid (Mawlid)?"

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Распределение ответов на вопрос «Если Вы исповедуете мусульманскую религию, как Вы считаете, канонически обоснованно ли проведение маулида (мавлида)?» (Рис. 5.) показывает, что более половины опрошенных ответили на вопрос утвердительно с условием не нарушения норм шариата и около 13% респондентов считают канонически не обоснованным проведение маулида (условно назовем первых сторонниками традиционного ислама в регионе, а вторых – сто-

ронниками «чистого ислама»). Довольно большая часть респондентов затруднилась ответить на вопрос.

Гражданская идентичность у сторонников традиционного ислама (значительная близость с гражданами России у 42,8%, не ощущают близости 10,4%) оказалась выше, чем у сторонников «чистого ислама» (соответственно 30,9% и 23,5%).

В то же время 42,7% сторонников «чистого ислама» уверены, что в России нарушается принцип равноправия конфессий. Придерживающихся такого мнения среди сторонников традиционного ислама 27,3%.

Далее в нашем исследовании респондентам для рассмотрения межконфессиональных отношений на повседневном уровне были предложены некоторые позиции шкалы социальной дистанции (См. табл. 2).

Таблица 2. Готовы ли Вы принять человека другого вероисповедания в качестве ...

Table 2. Are you ready to accept a person of a different faith as a ...

	Готов	Не готов	Затрудняюсь ответить
Начальника	81,9	9,6	8,5
Коллеги	89,4	4,6	6
Соседа	91,8	2,9	5,3
Друга	77,8	10,3	11,9
Супруга(ги)	24,9	53,2	21,9

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Так, по всему массиву опрошенных дагестанская студенческая молодежь демонстрирует позитивное отношение к представителям иного вероисповедания в сферах межличностной коммуникации. Абсолютное большинство респондентов готовы принять человека другой веры в качестве непосредственного «начальника» (81,9%), «коллеги по работе» (89,4%), «соседа по дому» (91,8%), «друга» (77,8%).

В то же время, определенная социальная дистанцированность между представителями разных вероисповеданий проявляется, когда речь идет о семейно-брачных связях. Готовность принять человека иной веры в качестве супруга (ги) изъявили 24,9% опрошенных.

Данное обстоятельство объясняется, скорее всего, стремлением сохранить собственные религиозные символы и ценности. Согласно, распространенному в Дагестане шафиитскому мазхабу недопустимость брака мусульманки с немусульманином связано большей склонностью женщин к мужьям и их религии. Для того чтобы бракосочетание мусульманина с женщинами Писания считалось дозволенной или запрещенной существует ряд условий. По Ханафитскому мазхабу (получившее меньшее распространение в Дагестане) можно жениться на женщинах Писания, без учета определенных условий, кроме того, чтобы она входила в число людей Писания [11].

Этим объясняется, что в числе готовых к браку с людьми другой веры 33,9% мусульманок и 66,1% мусульман. По степени религиозности готовы к браку с людьми другого вероисповедания 17,9% «глубоко верующих» мусульман, 18,3%

«верующих» и 54,3% «колеблющихся». По конфессиональному принципу 20,8% мусульман и 50% христиан готовы избрать в качестве спутника жизни человека другого вероисповедания.

Заключение

В настоящее время в Республике Дагестан религиозная и этническая идентификация молодежи в системе социальной идентификации индивидов сохраняет устойчиво высокий уровень. Относительно не высокий уровень гражданской идентичности дагестанской молодежи объясняется, скорее всего, следствием разочарованности их в тех или иных аспектах социально-политической системы [12, с. 59-63].

Результаты исследования свидетельствуют, что доля мусульман, выполняющих все религиозные предписания, значительна выросла в последние годы. В то же время именно этой категории практикующих мусульман характерны высокие показатели гражданской идентичности. В Дагестане факт высокой религиозности молодежи также не препятствует повышенной готовности принять человека другой национальности и веры в сфере (постоянных) межличностных отношений. В целом, ислам и православие в регионе как исторически сложившиеся религиозные традиции не препятствуют солидаристской общественной и общегражданской ориентации.

Наиболее низкие показатели гражданской идентификации выявились у молодежи, проживающей в городской местности и придерживающейся религиозных позиций нетрадиционных для региона направлений ислама, а также верующих, не обременяющих себя выполнением религиозных предписаний (молитв, постов и т.д.). На наш взгляд, более высокий уровень гражданской идентификации среди селян объясняется средой проживания, не предполагающей дискриминацию социальных групп по этноконфессиональному признаку; последователей традиционного ислама позицией официального духовенства акцентирующего особое внимание вопросу гражданского мира и согласия в обществе; у «глубоко верующих» тем что они в большей степени заняты вопросом внутреннего духовного самосовершенствования и развития, согласно суфийскому учению «измени себя и ты изменишь весь мир».

В целом выявлена взаимосвязь между показателями гражданской идентификации дагестанской молодежи и восприятием в их сознании факта конфессиональной дискриминации в стране. Результаты настоящего исследования показывают, что этноконфессиональную дискриминацию ощущают народы нерусской национальности и мусульманского вероисповедания. Следовательно, необходимо разработать конструктивную политику в «мусульманском вопросе», как на уровне регионов, так и страны, включающая уважительное отношение к исламу как к мировой религии, не допуская превращения борьбы с религиозным экстремизмом в борьбу с исламом в целом [13, с. 116]. Этнические и религиозные страхи и стереотипы так или иначе сказываются в виде перекоса между задекларированными гражданскими правами в стране и реальным гражданским статусом индивида в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 88-97.

2. Шахбанова М.М. Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 56-64.
3. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2013. – 357 с.
4. Ханбабаев К.Ф. Профилактика религиозно-политического экстремизма в молодежной среде // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие – основа мира и согласия в Дагестане». Махачкала, 2010. С. 23-24.
5. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. №1. С.7-31.
6. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. 2019. №2. С.49-58.
7. Мусаева Э.Ш. Роль исламского фактора в Дагестане: социологический анализ // Известия ДГПУ. №3. 2013. С. 110-116.
8. 8.ДУМ поддержало петицию о строительстве мечетей в крупных городах // URL: <https://ria.ru/20200618/1573152065.html> (дата обращения – 03. 08. 2020).
9. Рыжов В.И., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Мечеть как центр общественной жизни уммы Приволжского федерального округа // Ислам в современном мире. 2019. Том 15. №1. С. 139-154.
10. Магомедов М. Мечеть каждому городу // Нур-ул ислам. 2020. №7 июль. С. 2.
11. Фетва относительно дозволенности брака с женщинами Писания // URL: <http://islamdag.ru/verouchenie/22593> (дата обращения – 07. 09. 2020).
12. Джабраилов Ю.Д. Этноконфессиональная и национально-государственная идентичность дагестанцев: современное состояние // Научный альманах стран Причерноморья. Том. 22. №2. 2020. С. 59-63.
13. Магомедов М. Мечеть каждому городу // Нур-ул ислам. 2020. №7 июль. С. 2.

REFERENCES

1. Shakhbanova M.M. Etnicheskaya identichnost' malochislennykh dagestanskih narodov v sovremennykh usloviyakh [Ethnic identity of small dagestan peoples in modern conditions]. Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 10 (354). Pp. 88-97. (In Russ.)
2. Shakhbanova M.M. Religioznaya situatsiya v respublike: sostoyanie i tendencii (po materialam sociologicheskogo oprosa) [Religious situation in the Republic: state and trends (based on the materials of a sociological survey)]. Regional'nye aspekty social'noj politiki. 2008. № 10. Pp. 56-64. (In Russ.)
3. Shakhbanova M.M. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnosti dagestanskih narodov v usloviyakh transformatsii rossijskogo obshchestva [Ethnic, religious, and state-civil identities of the dagestani peoples in the context of the transformation of russian society]. Mahachkala, 2013. 357 p. (In Russ.)
4. Hanbabaev K.F. Profilaktika religiozno-politicheskogo ekstremizma v molodezhnoj srede [Prevention of religious and political extremism among the

- youth]. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Social'no-ekonomicheskoe razvitie – osnova mira i soglasiya v Dagestane». Makhachkala. 2010. Pp. 23-24 (In Russ.)
5. Drobizheva L.M. Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma [Civil identity as a condition for weakening ethnic negativism]. Mir Rossii. 2017. No.1. Pp.7-31. (In Russ.)
 6. Ryzhova S.V. Religioznost', etnokonfessional'naya identichnost' i problemy mezhetnicheskogo soglasiya [Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony]. Sociologicheskie issledovaniya. 2019. No.2. Pp.49-58. (In Russ.)
 7. Musaeva E.Sh. Rol' islamskogo faktora v Dagestane: sociologicheskij analiz [The role of the Islamic factor in Dagestan: a sociological analysis]. Izvestiya DGPU. 2013. No.3. Pp. 110-116. (In Russ.)
 8. DUM podderzhalo peticiyu o stroitel'stve mechetey v krupnyh gorodah. URL: <https://ria.ru/20200618/1573152065.html> (data obrashcheniya – 03. 08. 2020). (In Russ.)
 9. Ryzhov V.I. Borodina M.Yu. Dorofeev F.A. Mechet' kak centr obshchestvennoj zhizni ummy Privolzhskogo federal'nogo okruga [Mosque as the center of public life of the Ummah of the Volga Federal District]. Islam v sovremennom mire. 2019. Vol. 15.No.1. Pp. 139-154. (In Russ.)
 10. Magomedov M. Mechet' kazhdomu gorodu [Mosque to every city]. Nur-ul islam. 2020. No.7. iyul'.Pp.2. (In Russ.)
 11. Fetva otnositel'no dozvolennosti braka s zhenshchinami Pisaniya. URL: <http://islamdag.ru/verouchenie/22593> (data obrashcheniya: 07. 09. 2020). (In Russ.)
 12. Dzhabrailov Yu.D. Etnokonfessional'naya i nacional'no-gosudarstvennaya identichnost' dagestancev: sovremennoe sostoyanie [Ethno-confessional and national-state identity of the Dagestanis: current state]. Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya. 2020. Vol. 22. No.2. Pp.59-63. (In Russ.)
 13. Magomedov M. Mechet' kazhdomu gorodu [Mosque to every city]. Nur-ul islam. 2020. No.7. iyul'.Pp.2. (In Russ.)

Информация об авторе: Джабраилов Юсуп Джабраилович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>
y.djabrailov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Yusup D. Dzhabrailov, Candidate of Political Science, Senior Researcher of Regional Center for Ethnopolitical Researches of Federal State Institution for Science Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Science (DSC RAS), Makhachkala, Russia
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-9588-0156>
y.djabrailov@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 09.08.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 08.09.2020

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.09.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests